

Е. А. Резниченко

Свободный университет Берлина, Берлин, Германия. rev.hilarion@yandex.ru

АФРИКАНСКАЯ ЛАТЫНЬ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

В статье рассматривается вопрос существования африканской латыни с привлечением свидетельств блаженного Августина, епископа Гиппонского (354–430). Автор опирается в первую очередь на работы Дж. Адамса (1943–2021), актуализировавшего вопрос о региональном разнообразии языкового ландшафта Римского государства на серьёзном научном уровне. С привлечением свидетельств блаженного Августина удаётся показать несколько наиболее ярких языковых изменений, наблюдавшихся в латинском языке Северной Африки в его эпоху. Хотя имеющиеся данные не позволяют говорить о существовании полноценного диалекта латинского языка, можно наблюдать признаки региолекта, находящегося под сильным влиянием, как литературной нормы, так и неизбежных региональных изменений.

Ключевые слова: африканская латынь, латинский язык, *africitas*, *latinitas*, региолект, история языка, Августин, провинция, Римская империя.

Е. А. Reznichenko

Freie Universität Berlin, Germany. rev.hilarion@yandex.ru

The African Latin language in the testimonies of Saint Augustine

The article investigates the issue of the existence of the African Latin language providing the most relevant testimonies of Saint Augustine, bishop of Hippo (354–430). The author of the paper relies primarily on the works of J. N. Adams (1943–2021) who evolved the actualization of the issue on the regional diversification of language landscape in Ancient Rome having made it on a high-standard scientific level. Applying the testimonies of St. Augustine, the article can demonstrate the most noticeable changes in the Latin language that were evident in the North African province in the time of St. Augustine. The two are the most specific: diminishing of the difference between long and short vowels, and some changes in word forms despite the normative rules of the Latin grammar. Provided testimonies do not allow us to speak about the complete dialect of the Latin language in the North Africa, but we can definitely notice some specific features of regiolect which is under the strong influence of both the literary norm and inevitable regional changes.

Key words: African Latin language, Latin language, *africitas*, *latinitas*, regiolect, history of language, Augustine, province, Roman empire.

1. Языковой ландшафт Римского государства

Вопрос о региональном разнообразии латинского языка в Римском государстве не выглядит тривиальным. Во-первых, потому, что очевидное разнообразие мы не сможем зафиксировать, поскольку наблюдается удивительное единство письменного литературного языка у авторов, происходящих из совершенно разных регионов Римского мира. Например, Цицерон, Корнелий Непот, Катулл (I в. до н. э.) были из Транспаданской Галлии, не имели знатного происхождения, при этом получили великолепное образование, которое во многом было обусловлено чтением, в том числе и греческой литературы. Родом из Испании были поэт Марциал (I в. н. э.) и император Адриан (II в. н. э.). Во-вторых, если учитывать, на сколь многое число языков и диалектов рассыпалась относительно монолитная языковая карта Римской империи после её исчезновения, вопрос о природе этой монолитности приобретает дополнительный интерес. Попытки изучения регионального разнообразия латинского языка не прекращались в течение всего XX века: был период охлаждения к самому факту наличия научной проблемы, но в последние десятилетия к этому вопросу стали активно возвращаться в западной литературе. Начало XXI века ознаменовалось появлением крупных фундаментальных работ по региональному языковому разнообразию Римской республики, а затем империи. Были работы более узкого характера, например, коллективная монография «Апулей и Африка» (Lee, Finkelpearl, Graverini 2014).

Один из наиболее выдающихся исследователей этого вопроса Дж. Адамс (1943–2021) вернулся к понятию *Africitas* для описания феномена африканской латыни как наиболее заметной и ярко выраженной диалектной составляющей латинского языка Римской империи (Adams 2007: XV). Однако сама задача крайне не проста, поскольку североафриканские авторы не писали на диалектном языке, поэтому та огромная работа, которая проводилась исследователями, была сделана на основе остаточных языковых свидетельств. Одним из важных методов здесь было сопоставление текстов, написанных на классической латыни, с образцами локальной литературы. Очевидно, что на уровне разговорного языка эти изменения могли быть видны гораздо лучше, ведь римлянам в разные периоды

их истории приходилось взаимодействовать с грекам, этрусками, осками, умбрами, фалисками и другими народностями. Тем не менее, И. М. Тронский, например, отвергал существование особой африканской латыни по причине отсутствия скольких-нибудь многочисленных и очевидных свидетельств (Tronsky 2010: 253). Как видно из предпринятого Дж. Адамсом труда, он не согласен с таким выводом и пытается на основе имеющихся примеров обозначить заметное влияние в том числе североафриканского контекста на латинский язык.

Дж. Адамс утверждает, что стандартизированная письменная латынь уже имела диалектные вариации, причем не только в эпоху поздней Империи (III–V вв. н. э.), но уже в эпоху Республики (архаическая латынь – III–II вв. до н. э.) (Adams 2007: 2). Важным тому свидетельством выступает различие латинского языка римлян и простого народа, который мог высмеиваться в литературных произведениях того времени из-за своей провинциальности. Помимо этого, важным показателем языковой вариации являются изменения в фонетике и морфологии, примеры чего так же были обнаружены. Если говорить об общей характеристике африканской латыни, то можно выделить её архаичность (Makarova 2011: 365). Это довольно закономерный процесс, отличающий столицу от регионов: в столице изменение языка происходит быстрее.

Говоря о Северной Африке, нельзя не упомянуть вопрос колонизации. Как известно, этот регион с центром в г. Карфаген был захвачен римлянами и окончательно попал под контроль империи в ходе Третьей Пунической войны (148–146 гг. до н. э.). Наивно полагать, что латинский язык мгновенно распространился и закрепился в этом регионе. Напротив, начался процесс постепенного притока латиноязычного населения, их взаимодействие с местными народами и их наречиями, что не могло не повлиять на формирование диалектных особенностей. Но факт остаётся: латынь в провинциях империи была сильно стандартизирована и унифицирована. И причиной тому была не только единая школьная система обучения, но и понимание латинского языка как общего языка Империи, объединяющего её части. Таким языком до латыни было древнегреческое койне эпохи эллинизма (начиная с III в. до н. э.). Поэтому активное и даже несколько стихийное распространение латинского языка совершалось и через римских воинов, и через коммерсантов

(Tronsky 2010: 252). Но в силу объективных причин, локальные условия способствовали формированию диалектных различий.

Влияние провинций в течение столетий постепенно увеличивалось, так что в период с кон. II и до сер. III в. н. э. в Риме правила династия Северов — выходцев из Северной Африки, имевших пуническое происхождение. С одной стороны, это показатель расцвета и особого значения региона в то время. С другой стороны, мы получаем яркое свидетельство тесной связи Рима и Африки, поскольку правление династии было отмечено интенсивным культурным обменом центра и провинции: оттуда в Рим приезжали обученные риторы и адвокаты (Makarova 2011: 367). О самом императоре Септимии Севере сохранилось письменное свидетельство в *Scriptores Historiae Augustae* (*Sept. Sev. 19, 9*): *canorus uoce, sed Afrum quiddam usque ad senectutem sonans* «звучный голосом, но с каким-то африканским [акцентом] говоривший вплоть до самой старости». Таким образом, император своим акцентом постоянно напоминал жителям Рима о своём североафриканском происхождении.

2. Особенности латинского языка Северной Африки

Есть общее свидетельство об изменениях у современника Августина бл. Иеронима Стридонского, который писал в своём «Комментарии на послание к галатам» (*Hier. Com. In Gal., II, 3*): *cum et ipsa latinitas et regionibus cotidie mutetur et tempore* «...когда и сама латынь изо дня в день меняется и в местностях, и во времени». У него же есть очень важное замечание об африканской латыни. В письме к Деметрию (*Ep. 130 Demetr. 5*) Иероним упоминает о *stridor punicae linguae* «свист пунического языка». Видимо, носители африканской латыни произносили латинские согласные с характерным присвистом или шипением. Можно предположить, что согласные звуки становились в каком-то смысле придыхательными. Пунический язык был субстратом для латыни в Северной Африке, и какие-то его фонетические следы могли сохраняться.

Северная Африка привлекала традиционно большее внимание современников, чем другие провинции Римской империи. Так, например, разницу в языке замечал языческий поэт I в. н. э. Стаций (*Silv. IV, 5, 45–46*):

*non sermo Poenus, non habitus tibi,
externa non mens: Italus, Italus.*

«Речью ты не пуниец, и обычай у тебя не тот,
И ум не чужой: италиец, италиец»

В трактате Августина «О музыке» (389 г.) есть некоторые сведения об африканской системе гласных, хотя Августин прямо и не говорит об Африке, но некоторые другие детали подсказывают, что речь именно о ней (*Aug. Mus. II, 1, 1*): *itaque uerbi gratia cum dixeris cano uel in uersu forte posueris, ita ut uel tu pronuntians producas huius uerbi syllabam primam, uel in uersu eo loco ponas, ubi esse productam oportebat, reprehendet grammaticus, custos ille uidelicet historiae* «Так, для примера, когда ты произносишь *cano* или, допустим, помещаешь его в стихотворную строку, то ты либо удлиняешь первый слог этого глагола, либо помещаешь его в строке, где оно должно будет удлиняться, то, разумеется, грамматик, этот страж предания, упрекнёт тебя». Перед нами очень важное свидетельство о существовавшей во времена Августина произносительной нормы, которая могла противоречить классическим представлениям о долготе и краткости гласных звуков.

Глагол *cano* (петь) в действительности имеет краткий *a*, и данное свидетельство Августина говорит о тенденции её удлинения, причём не только в устной речи, но и в поэзии. Как известно, античная поэзия была основана на чередовании долгих и кратких слогов. Таким образом, для образованного грамматика такая ситуация в стихе была бы сразу заметна. Августин, тем не менее, высказывается с уважением о грамматиках, поскольку они оберегают неповреждёнными нормы латинского языка.

В его же трактате «Христианская наука» (которая датируется 396 или 426 г.) (Du Roy 1967: 1049) он приводит ещё один пример на эту же тему (*Aug. Doctr. Chr. IV, 10, 24*): *cur pietatis doctorem pigeat imperitis loquentem ossum potius quam os dicere, ne ista syllaba non ab eo, quod sunt ossa, sed ab eo, quod sunt ora, intellegatur, ubi Afrae aures de correptione uocalium uel productione non iudicant?* «Почему должно быть стыдно учителю благочестия, когда он разговаривает с несведущими и ему лучше произнести *ossum*, чем *os*, чтобы этот слог был понят от той формы, которая *ossa*, а не от той, которая *ora*, ведь

африканские уши не различают ни сокращения, ни удлинения звуков?»

Августин здесь приводит нетривиальный пример. Омографичные лексемы *ōs* (рот) и *ōs* (кость) в номинативе на письме не различимы, и только в произношении имеют разную долготу. Однако же они имеют разные формы косвенных падежей:

ōs, ōris (Gen. Sg.), *ōra* (Nom./Acc. Pl.);

ōs, ōssis (Gen. Sg.), *ōssa* (Nom./Acc. Pl.).

На эту разницу и указывает Августин: неразличимый по долготе для африканского уха звук *o* вызывает трудность: речь идёт о слове с формой *ora* в Nom. Pl. или *ossa*? Тех, кто путает эти слова, Августин эвфемистично характеризует как *imperiti* – несведущие, неискушённые. Под этим словом он мог понимать людей без систематического школьного образования, для разговора с которыми он должен был упрощать свою речь, чтобы слушатель не перепутал кость со ртом. По этой причине для *ōs* (кость) Августин использует эквивалент *ossum*, который является производным от формы множественного числа *ōssa*. То есть Августин «создал» номинатив этого существительного III склонения по правилу II склонения (*ōssa* > *ōssum*, наподобие *templa* > *templum*), так что разница между *ōs* и *ōssum* в номинативе становится сильной, и перепутать эти два слова уже невозможно. Важно подчеркнуть, что Августин не утверждает, будто африканцы произносят *ōs* и *ōs* одинаково, но говорит о том, что они слышат их как одно и то же слово, когда их произносит образованный носитель латинского языка. Такое количественное различие двух гласных звуков, судя по всему, было уже потеряно в Африке во времена Августина. Данное свидетельства Августина — крайне важный источник информации по истории латыни и фиксации исчезновения долготы гласных, которое закрепилось при возникновении новых романских языков.

Дж. Адамс отмечает, что фонетические изменения, присущие африканской латыни, происходили по сардинскому типу (Adams 2007: 263), где происходило стирание фонетических различий в гласных, которое не наблюдалось в других провинциях. В сардинской латыни пять долгих гласных постепенно заместили соответствующие им краткие гласные в ударном слоге. Поэтому отмеченная Августином особенность является ещё одним доказательством в пользу сардинского типа фонети-

ческих изменений в системе латинских гласных. Необходимо отметить, что помимо Августина есть и другое достаточное количество свидетельств, в том числе эпиграфических, но их рассмотрение не входит в задачи этого исследования.

Эту же особенность замечает латинский грамматик V в. Публий Консенций (*GL, V, 392, 3*): *ut quidam dicunt 'piper' producta priore syllaba, cum sit brevis, quod uitium Afrorum familiare est* «как некоторые говорят *piper* с продлённым первым слогом, когда он краток — та ошибка, которая свойственна африканцам»; (*GL, V, 392, 11*) *ut si quis dicat 'orator' correpta priore syllaba, quod ipsum uitium Afrorum speciale est* «как если кто произносит *orator* с сокращением первого слога — та самая ошибка, которая присуща африканцам». Здесь пример касается безударного слога, где *o* долгий. То есть Консенций говорит о наличии второй тенденции: укорачивать безударные гласные. Например, латинского поэта III в. Коммодиана, который был по происхождению сириец, а позже стал епископом в Северной Африке, упрекали в том, что в своей поэзии он удлинял ударные и сокращал безударные гласные (Adams 2007: 264).

Африканский региолект отличался изменениями не только в системе гласных звуков, но и согласных, а именно сонантов. Один из наиболее заметных — лабдакизм (*labdacismus*) (Adams 2007: 265), когда в словах удваивалось или наоборот сокращалось количество согласной *l*: *Metelus* вместо *Metellus*, *llargus* вместо *largus*. Поскольку по своей природе сонант может звучать, такая тенденция удлинения или укорачивания не может не натолкнуть на мысли о подобии этого процесса с тем, что был описан выше.

И. М. Тронский, комментируя эти свидетельства, выражает уверенность, что вряд ли Августин здесь ссылается на собственно региональную особенность, скорее, речь идёт о формирующейся тенденции, поскольку такие замечания можно найти и у других авторов, например, псевдо-Сергия (Tronsky 2010: 260). Думается, такая позиция слишком ригористична. Не преувеличивая значения *Africitas*, нельзя не заметить, во-первых, множественность таких свидетельств, во-вторых, факт биографии самого Августина, который лишь 5 лет своей жизни провёл вне родной Северной Африки. Сама «Христианская наука» была написана уже после возвращения в г. Иппон, поэтому вполне справедливо предполагать, что Августин мог

писать о том, что видел вокруг себя в Африке, нежели в Италии. К тому же первыми читателями его трудов были именно африканские христиане. Но нельзя не согласиться с И. М. Тронским в том, что Августин подметил особенность, которая могла проявляться где-то ещё.

3. Другие свидетельства бл. Августина

Обратимся теперь к свидетельствам, которые были тесно связаны с судьбой бл. Августина. Как известно, он родился в североафриканском городе Тагасте (354), учился в школах Мадавра (363–366) и Карфагена (369–373), затем преподавал в Тагасте (373–383) и уже затем переехал в Рим (383) и Медиолан (384), став официальным ритором (Stepantsov, Fokin 2000: 94). В 388 г. он возвращается в Северную Африку, где становится священником, а затем и епископом г. Иппона до самой смерти в 430 г. Таким образом, почти 30 лет своей жизни до переезда в Италию Августин жил в Северной Африке, неминуемо сталкиваясь с пуническим языком, который был местным диалектом финикийского языка. Сам Августин, по мнению некоторых учёных (Маггоу 1999: 12), был бербером по своему происхождению. Знал ли он пунический язык – вопрос сложный, но общее мнение учёных таково, что в совершенстве он его не знал, но мог быть поверхностно знаком (Denecker 2017: 14).

Размышления о своём латинском языке мы находим в трактате Августина «О порядке» (386 г.). Судя по датировке, это сочинение было написано в Медиолане. Итак, мы читаем (*Aug. Ord. II, 17, 45*): *me enim ipsum, cui magna necessitas fuit ista perdiscere, adhuc in multis uerborum sonis Itali exagitant et a me uicissim, quod ad ipsum sonum attinet, reprehenduntur. aliud est enim esse arte, aliud gente securum* «Меня самого, у которого была большая необходимость это хорошенько изучить, до сих пор ругают итальянцы за произношение многих слов, и, в свою очередь, я их упрекаю за то, что касается самого произношения. Одно дело быть уверенным в силу образования, а другое – по рождению». Августин говорит о речевых различиях с жителями Италии, которые не всегда принимали его произношение. Обычно считается, что он признаёт, что полученное им образование не смогло до конца изгладить привычное ему от рождения. Возможно, однако, понимание, согласно которому произ-

ношение Августина казалось италийским провинциалам излишне правильным и отличным от того, к чему они привыкли.

Для Августина местный, италийский, латинский язык более правильный, чем его провинциальный вариант, однако он спорил с местным окружением с точки зрения правильного произношения. Его выдаёт собственная неуверенность в том, что правильно в языке. Он пишет далее: *soloecismos autem quos dicimus fortasse quisque doctus diligenter in oratione mea reperiet* «...однако же тот, кто был хорошо обучен, в моей речи, возможно, обнаружит солецизмы, которые я употребляю». Августин напоминает, что и Цицерон был несвободен от речевых погрешностей (*vitia*).

Эту оценку Августина важно рассмотреть в более широком контексте. Город Медиолан в то время был столицей Цизальпинской Галлии – римской провинции. Ещё в период завоеваний Цезаря было бы совершенно невозможно считать, что Медиолан – региональный центр римской образованности (Adams 2007: 194). А теперь, спустя несколько столетий, оценка Августина позволяет говорить о том, что в империи сформировались своеобразные филиалы высокого стандарта культуры и образования, которые разделили этот статус с Римом. Не стоит забывать, что теперь, в конце IV в., в Медиолане находится императорская резиденция. Конечно, это способствовало притоку образованных римлян. Например, современник и учитель Августина еп. Амвросий Медиоланский учился в Риме. Любопытно, что Августин использует понятие *Itali*, а не *Romani* для описания той группы людей, с которыми он общался. В то же время этот пассаж говорит о высокой оценке римской латыни даже в эпоху Поздней империи, на основе чего Августин, побывавший в Риме, мог спорить о правильном произношении с медиоланцами.

Эта полемика интересна ещё и тем, что, несмотря на почтение к образцовой латыни, Августин демонстрирует уступку неправильному, но доступному языку в ущерб литературной норме. Именно ему принадлежат такие слова (*Aug. En. Ps. 138, 20*): *Sic enim potius loquamur: melius est reprehendant nos grammatici, quam non intelligant populi* «Скорее же нам следует сказать так: лучше [пусть] упрекают нас грамматика, чем не поймут люди». Поэтому Августин, когда того требовала ситуация, был готов поступиться правилами

высокого слога, чтобы донести свою мысль до слушающих его людей. В «Христианской науке» он приводит пример того, как могли говорить простые люди (*Aug. Doctr. Chr. II, 13, 19*). Если для классической латыни предлог *inter* используется с аккузативом (*inter homines* «между людьми»), то «народное» использование могло быть с аблативом (*inter hominibus* «между людьми»). Здесь же он приводит в пример то, как глагол III спряжения *ignosco, ignoscere* «прощать» мог использоваться в форме II спряжения: *ignosceo, ignoscere*. Но для Августина эти неточности второстепенны: важно, что человек обращается к Богу с просьбой о прощении, а не то, как он произносит этот глагол.

4. Заключение

Позиция Дж. Адамса, возвратившего тему африканской латыни в поле серьёзной научной дискуссии, видится вполне разумной из-за её взвешенности и скрупулёзного анализа. Говорить о существовании полноценного диалекта латинского языка чрезвычайно трудно: для этого не хватает свидетельств. Скорее нужно говорить о наличии региолекта, в котором мы наблюдаем, с одной стороны, сильное влияние литературной нормы, с другой стороны, неизбежные фонетические и морфологические изменения, спровоцированные местным языковым субстратом и географической отдалённостью от Рима. Для многих фактов подобных обнаруживаются ценные свидетельства в текстах блаженного Августина. Наиважнейшие среди них: стирание различий в долготе гласных и сонантов и изменение словоформ в противовес классической грамматики.

Литература

- Adams, J. N. 2007: *The Regional Diversification of Latin 200 BC – AD 600*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dekkers, D. E. 1956: Sancti Aurelii Augustini Enarrationes in Psalmos CI–CL. In: *Corpus Christianorum Series Latina*. Vol. 40. Turnhouti: Typographi Brepols.
- Denecker, T. 2017: *Ideas on Language in Early Latin Christianity. From Tertullian to Isidore of Seville*. Leiden: Brill.
- Du Roy, O.J.-B. 1967: Augustine, St. In: *New Catholic Encyclopedia*. Vol. 1. Washington, D.C., 1041–1058.
- Goold, G. P. 1922: *Scriptores Historiae Augustae*. London: William Heinemann.

- Green, W. M. 1970: Sancti Aurelii Augustini De ordine. In: *Corpus Christianorum Series Latina*. Vol. 29. Turnholti: Typographi Brepols.
- Jacobsson, M. 2017: Augustinus. De musica. In: *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. Vol. 102. Berlin: De Gruyter.
- Keil, H. 1923: *Grammatici Latini*. Vol. 5. Leipzig.
- Lee, B. T., Finkelpearl, E., Graverini, L. 2014: *Apuleius and Africa*. New York: Routledge.
- Makarova, V. L. 2011: [Latinitas of Aurelius Augustine in the background of the language situation of the Roman Empire IV – begin. V]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 15, 362–375.
- Макарова, В. Л. 2011: Latinitas Аврелия Августина на фоне языковой ситуации Римской империи IV–начала V вв. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 15, 362–375.
- Marastoni, A. 1970: Statius. Silvae. Leipzig: B.G. Teubner.
- Marrou, H.-I. 1999: *Svyatoy Avgustin i avgustinianstvo [Saint Augustine and Augustinianism]*. Dolgoprudny: Vestkom.
- Марру, А.-И. 1999: *Святой Августин и августинианство*. Долгопрудный: Вестком.
- Martin, J. 1962: Sancti Aurelii Augustini De doctrina Christiana. In: *Corpus Christianorum Series Latina*. Vol. 32. Turnholti: Typographi Brepols.
- Raspanti, G. 2006: Sancti Hieronymi Presbyteri Commentarii in epistulam Pauli apostoli ad Galatas. In: *Corpus Christianorum. Series Latina*. Vol. 77A. Turnholti: Typographi Brepols.
- Stepantsov, S. V., Fokin A. R. 2000: [Augustine]. In: *Pravoslavnaya Entsiklopedia [The Orthodox Encyclopedia]*. Vol. 1, 93–109.
- Степанцов, С. В., Фокин, А. Р. 2000: Августин. В сб.: *Православная энциклопедия*. Т. 1, М.: Православная энциклопедия, 93–109.
- Tronsky, I. M. 2010: *Ocherki iz istorii latinskogo yazyka [The Outlines of the History of the Latin Language]*. Moscow: LKI.
- Тронский, И. М. 2010: Очерки из истории латинского языка. М.: ЛКИ.